Р.Х.Симонян,
кандидат философских наук

НОВЫЙ БАЛТИЙСКИЙ СУБЭТНОС – «ЕВРОРУССКИЕ»

В странах Балтии в активную социальную жизнь входит новое поколение русских, потомки «поздних мигрантов» 70 – 80-х гг. Многие из них никогда не видели своей исторической родины. Этим молодым людям гораздо ближе Стокгольм или Франкфурт-на-Майне, чем Москва или Нижний Новгород. Для них важнее утвердиться в социально-экономической, а не политической жизни. Получив гражданство, они не торопятся к избирательным урнам, что, естественно, вызывает понятную досаду лидеров русских партий в Эстонии и левоцентристских партий в Латвии. (Как показывает практика, не более 30 – 35% получивших гражданство наших соотечественников реализуют свои политические права, участвуя в голосовании.) Правда, еще большую досаду они испытывают от стойкого нежелания многих русских, особенно представителей старших возрастных групп, получать это гражданство.

Молодые русские в Балтии отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием. В равной мере это относится к жителям Латвии, Литвы и Эстонии, но в последней из-за исходных наибольших различий (среди стран Балтии Эстония наиболее ориентирована на Запад) эти тенденции ярче выражены. Возрастная группа до 30 лет резко контрастирует с представителями старших возрастных групп российской диаспоры в странах Балтии. Это поколение социально- экономически продвинутых прагматиков. Как правило, они владеют не только языком титульного населения, о чем свидетельствуют приведенные в таблице сведения о русских жителях Таллина, но и западноевропейскими языками, прежде всего, английским.

Молодые русские с самого начала не могли рассчитывать на чью-либо помощь и были поставлены в условия жесткой борьбы за выживание. «Большая часть нашей молодежи, – отмечает в статье “Интеграция по-европейски” таллинская журналистка Любовь Семёнова, – постепенно и как-то совсем незаметно, зачастую вопреки расхожему мнению, интегрируется в эстонское общество посредством языка, поэтому их будущее в Эстонии можно считать более-менее определенным»[1]. Многие из них успешно ведут торгов-

[1] Молодежь Эстонии. 2002. 7 сент.

лю, банковское дело, финансовые операции, завели деловые контакты на Западе. В отношениях со сверстниками титульных наций молодые русские чаще стремятся к поиску компромиссов. Здесь их называют «еврорусскими», а местные социологи проявляют возрастающий интерес к этому социальному феномену. Отношение титульного населения к молодому поколению русских более благоприятное, что поднимает и авторитет русской общины в целом.

Таблица 1

Владение эстонским языком русскими в Таллине

(январь 2002 г., в % к числу опрошенных)*

Группы населения	Свободно владели	Не владели совсем
возрастные группы		
18 – 29 лет	57	35
30 – 49 лет	37	20
50 лет и старше	18	39
социальные группы		
Рабочие	29	28
Интеллигенция	35	19

**Источник: Арутюнян Ю.В.* Русские в ближнем зарубежье: (По материалам сравнительного этносоциологического исследования в Эстонии и Узбекистане) // Социологические исследования. №11. 2003. С. 36.

У молодых русских выше, чем у представителей других возрастных групп, оценка общей социальной ситуации и оценка своего места в социуме. В таблице 2 приводятся результаты массового опроса, проведенного в Таллине в январе 2002 г. Даже с учетом естественной экзистенциальной компоненты различия между молодыми и пожилыми возрастными группами представляются более чем убедительными.

Молодой русский житель Балтии это уже не тот русский, родители или деды которого 25 и более лет назад приехали туда из какой-нибудь области Советского Союза. Это горожанин, с детских лет усвоивший поведенческие и интеллектуальные навыки своей среды, таких, например, городов, как Вильнюс, Рига или Таллин. Для родственников из псковской деревни это уже чужой человек. Для них он ненастоящий, неправильный русский. Но в то же время он и не литовец, латыш или эстонец в той мере, в какой таковыми явля-

ются местные литовцы, латыши и эстонцы. Существенная часть его персонального опыта – в силу влияния родителей и этнического сообщества (общины), в силу враждебности со стороны местных национал-радикалов – кардинально отличается от опыта его сверстников из титульного сообщества. То есть молодой житель Балтийского региона представляет собой новый субэтнос.

Таблица 2

Социальные настроения русских

(январь 2002 г., в % к числу опрошенных)*

Группы населения	Оценка жизни в республике			Оценка собственной жизни		
	положительная	отрицательная	индекс	положительная	отрицательная	индекс
Все насе-ление	31	17	+ 14	21	32	-11
18 – 29 лет	47	9	+39	33	12	+21
30 – 49 лет	44	8	+36	28	15	+13
50 лет и старше	10	29	-19	5	63	-58

* *Источник: Арутюнян Ю.В.* Русские в ближнем зарубежье: (По материалам сравнительного этносоциологического исследования в Эстонии и Узбекистане) // Социологические исследования. №11. 2003. С. 37.

Высокая планка стандартов экономического успеха стимулирует интеграционные стратегии молодых русских, повышает их лояльность и языковую адаптивность. При этом если титульные прибалты больше используют ориентированные на них государственные формы обучения – специальные муниципальные школы с углубленным изучением предмета, курсы, кружки, бесплатные секции и т. п., то русским приходится интенсивнее использовать альтернативные формы – частные школы, наем платных репетиторов и другие, требующие оплаты из собственного кармана. Понятно, что во втором случае мотивация, как правило, выше. Кроме того русских отличают взгляды на будущее. Представители титульных наций, создав определенный капитал, в полной мере реализуют свои потребительские интересы (комфортное жилье, загородный дом, престижный автомобиль и т. д.), то есть обычный ассортимент западных потребительских ценностей. Они глубже включены в процессы «постмодернизации» жизненных ориентаций, среди них превалируют гедонистические ценности, такие как приятная и беззаботная жизнь.

Разумеется, и русские стремятся к этому тоже, но все-таки чаще предпочитают учебу и получение хорошей квалификации. Кстати,

они отличаются меньшей политической активностью еще и потому, что им не хватает свободного времени, так как в целом русские значительно больше титульного населения заняты на работе. Молодые русские легче поступают в европейские и американские университеты, успешнее стажируются в зарубежных фирмах. Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении определяющую роль играет не столько национальное, сколько региональное сознание, то есть социально-психологический феномен объединения людей не по этническому, а по территориальному признаку. Другими словами, отождествления себя не с будущностью своего народа, а с социально-экономическими проблемами территории постоянного проживания.

Территориальный идентитет оказывается все более значимым, чем этническая принадлежность. Характерным примером может служить поведение этнических русских в марте 2002 г. на стадионе в Таллине на первой в истории встрече футбольных сборных России и Эстонии. Среди двадцати тысяч зрителей, заполнивших стадион, более половины составляли представители российской общины, в основном молодежь. За кого же «болели» русские? К удивлению эстонцев они энергично поддерживали сборную Эстонии, хотя в составе команды России был уроженец Нарвы Валерий Карпин, пользующийся здесь огромной популярностью.

Этот эпизод представляется очень показательным. В нем отражаются произошедшие за последние десять лет значительные перемены в массовом сознании нашей общины в странах Балтии, в том числе и в самоидентификации ее представителей. В России мы их называем соотечественниками, но уже сегодня широкое использование этого термина вызывает сомнение. Складывается впечатление, что его интенсивным применением наши политики компенсируют отсутствие реальной помощи представителям русской диаспоры в странах Балтии. Следует найти более точное определение для тех представителей русской диаспоры, которые не только являются гражданами страны проживания, но и идентифицируют себя с ней. В октябре 2002 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол Эстонской Республики в Российской Федерации Карин Яани принимала делегацию русских жителей Эстонии – участников совещания в Москве по защите соотечественников. Она встретила их словами: «А я-то думала, что вы мои соотечественники!». «Когда на Олимпийских играх честь Эстонии защищают парни и девушки с русскими фамилиями, – констатирует в этой связи бывший министр иностранных дел Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес, – эстонцы говорят о них «наши»[1].

Описанный эпизод также сигнализирует о том, что если сложившееся в последние десять лет политическое, экономическое и культур-

[1] Eesti express. (Tallinn). 2002. 28 XII.

ное дистанцирование русской общины в Балтии от России, ответственность за которое в значительной мере лежит на российском политическом истеблишменте, не будет преодолено, то русские жители Балтии будут всё более и более отдаляться от свой исторической родины. У представителей русской диаспоры постепенно сформировалась собственная идентичность, отличная от той, которая была им присуща в России, поскольку русские потеряли связи не только со своей бывшей социальной средой, но и с традициями русского общества. Этот отрыв вызывает естественную озабоченность многих представителей русской интеллигенции в странах Балтии. «Создаваемая субкультура русского национального меньшинства, – отмечает эстонский исследователь Екатерина Фишкина, – ни в коем случае не должна отрываться от большой русской культуры метрополии. Она должна подпитываться соками этой культуры, без этого она будет слабой, рахитичной. Поэтому мы очень заинтересованы в восстановлении русского культурного пространства, в интенсификации всех форм культурных связей с метрополией: в получении книг, учебников, журналов и газет из России, в постоянных гастролях русских театров, певцов, артистов и так далее»[1]. То, что эти опасения имеют под собой самые серьезные основания, не вызывает никаких сомнений. Речь идет об определенных общественных закономерностях, имеющих многочисленные исторические аналоги. «Причем нынешнее – национальное – мышление проецировалось в прошлое, которому был присущ такой тип самоопределения, – пишет историк-славяновед А.В.Липатов, – в котором государственная принадлежность довлела над принадлежностью этнической и конфессиональной. Отсюда парадоксальность – но только с точки зрения национализма – безоговорочной поддержки Речи Посполитой ее немецким народонаселением в войнах с крестоносцами или же аналогичный **государственный** (а не этнический) патриотизм православных восточнославянских народов Литвы и Польши в войнах с Московией»[2].

О том, как себя воспринимали в 1997 г. представители различных возрастных групп русских общин в странах Балтии, можно видеть на примере Эстонии.

Отношения между молодыми поколениями двух основных общин в Балтии – это уже качественно иные межэтнические отношения, это диалог суверенных сознаний. Новые, молодые бизнесмены титульных национальностей, которые в недалеком будущем заменят нынешних

---

[1] *Фишкина Е.* Есть ли будущее у русской культуры в Эстонии? // Русская культура в Эстонии (Таллин). № 4. 1993. С. 180.

[2] *Липатов А.В.* Великое княжество Литовское: исторический феномен симбиоза этнических культур // Вопросы философии. № 11. 2003. С. 65.

политиков, строят свое социальное поведение по законам рыночной рациональности. Оставаясь на своих национальных позициях, они меньше обеспокоены сохранением латышского или эстонского языков, на которые все сильнее давит английский. Они более склонны к межэтническому сотрудничеству и умеют эффективно работать совместно. Они практически полностью утрачивают доминанту конфронтационного сознания, иногда еще свойственную их родителям. Им, как и молодым русским, никому ничего не надо доказывать. Можно предположить, что прагматические ценности этого слоя в ближайшем будущем станут определяющими в развитии отношений между титульным и русскоязычным населением стран Балтии.

Таблица 3

Самоидентификация русских в Эстонии*

*(% к числу опрошенных**)*

Тип самоидентификации	Возраст, лет			
	18 – 24	25 – 34	35 – 54	Старше 55
Русские ближнего зарубежья	15	15	30	33
Русские Балтии	29	16	21	16
Русские Европы	21	8	11	6
Русские Эстонии	69	65	71	71
Русские Эстонии по рождению	43	35	26	27

* Допускалось несколько вариантов ответа

** *Источник:* The Return to the Western World / Ed. by M.Lauristin. Tartu, 1997. P. 295.

Но для нас важнее качество и направленность процесса, происходящего внутри российской диаспоры, который по своему значению выходит за пределы балтийского региона: в странах Балтии интенсивно формируется особая этнокультурная группа, особая этническая общность – балтийские русские – со своим менталитетом, своей субкультурой, более адаптированной к современным глобальным вызовам.

По данным Московского центра исследований русских национальных меньшинств, 62% опрошенных считают, что русские в странах Балтии отличаются от русских в России, еще 15% считают, что кое в чем отличаются, а кое в чем – нет и только 10% убеждены в том, что никаких различий между русскими в Балтии и в России нет. Тот же опрос показал, что большинство русских в этом регионе своими воззрениями на внутреннюю жизнь стран проживания не столь отличаются от титульного населения, подобно франкоязычным

канадцам или финляндским шведам[1]. Молодые русские в странах Балтии хотят остаться русскими по языку, культуре, национальному самосознанию, но вместе с тем быть лояльными гражданами стран проживания, представлять их интересы за рубежом, быть интегрированными в местное общество и не чувствовать себя чужими.

В этой связи проявляется одно очень важное обстоятельство. В условиях глобализации, чье давление на себе испытывают и страны Балтии, в их социальной структуре неизбежно должна появиться новая общественная группа, равная по значению и титульной, и русскоязычной, осуществляющая функции посредника между ними. Еврорусские, как новый субэтнос, возможно, и есть тот промежуточный социальный мезослой, тот общественный модератор, который призван ослабить существующую поляризацию и как всякий структурный мезоуровень обеспечить устойчивость системы отношений в этом регионе.

Более того, в условиях постоянно расширяющихся миграционных потоков и, соответственно, процесса диаспоризации экономически развитых государств подобная «перекрестная» идентификация (индийский британец, японский американец, арабский француз и т. п.) в мультикультурном обществе представляется закономерным и единственным социально приемлемым ответом на вопрос о духовной и культурной идентичности в новом тысячелетии. В монокультурной Франции весьма показательна ситуация с новыми диаспорами, пополняемыми выходцами из бывших колоний. Закон о гражданства дает прерогативы алжирцам, сенегальцам, тунисцам и другим, но большинство из них не растворяются в весьма националистической моноэтнической среде, а формируют свою, не вполне европейскую, но и не африканскую среду обитания. То же происходит и в других странах Европы. Например, данные исследований немецких социологов показывают такую же тенденцию среди турецкой общины в Германии: часть молодых представителей этой диаспоры не хочет идентифицировать себя ни с турками, ни с немцами. Они не желают ни повторного погружения в свою культуру, ни навязывания культуры, отрицающей их ценности.

Для любой страны, тем более претендующей на статус мировой державы, своя диаспора в соседнем государстве – неоценимый геостра-тегический фактор. Среди 7,4 млн человек, населяющих три балтийские республики, только этнических русских здесь около 1,5 млн. Причем наша община, куда, помимо русских, входят и представители других народов России, в отличие от общин в ряде других стран СНГ, здесь не только стабильна, но и обладает значительным экономическим потенциалом. К этому нужно добавить, что

[1] См.: *Фишкина Е.* Указ. соч. С. 179.

очернение в российских СМИ стран Балтии препятствовало проникновению сюда русского капитала.

Многие государства создают свое процветание или, как минимум, дают начальный импульс и постоянно «подпитываются» теми своими согражданами, которые живут за рубежом. Польша и Венгрия первыми из стран социалистического лагеря достигли того, что иностранные инвестиции стали существенным фактором их экономического развития в первую очередь за счет капитала бывших сограждан, живущих за рубежом. В России до сих пор иностранные инвестиции не являются фактором экономического развития. Венгрия, население которой менее 12 млн человек, имеет в четыре раза больше иностранных инвестиций, чем Россия. Бразилия располагает весьма незначительными зарубежными общинами, но у нее существует эффективная программа привлечения инвестиций от бывших сограждан. Не случайно, когда эта программа была выдвинута президентом Фернанду Кордозу, в 1998 г. Бразилия получила около 9 млрд долларов прямых иностранных инвестиций.

Особенно сильны финансово-экономические позиции нашей общины в Латвии: многие владельцы или руководители крупных предприятий, банков, страховых компаний, терминалов, стивидорных фирм и т. п. – наши сотечественники. Один из лидеров правящей с 1992 по 2000 г. партии «Латвияс Цельш» («Латвийский путь») министр иностранных дел Владас Биркавс спустя пять лет после обретения независимости Латвии вынужден был констатировать: «Экономическая власть уже принадлежит нелатышам и не видно реальных перспектив изменения этой ситуации»[1]. В Латвии, кстати, и наибольший в Балтии удельный вес смешанных браков и наибольшая доля среди представителей титульного населения настроенных антизападно и пророссийски. Да и вообще в Балтии среди представителей титульных народов пока ещё много таких, которые смотрят назад, в советское прошлое, не только с болью, но и с благодарностью.

До сих пор народы России и стран Балтии всё еще дышат одним воздухом истории и культуры. Психологи знают, что любая сильная потребность (в том числе, в независимости), ведет к сужению восприятия, его избирательности. После ее удовлетворения восприятие постепенно вновь становится нормальным. Сегодня мы являемся свидетелями этого процесса. Вот что говорит эстонский миллионер Эндель Сифф – основатель и председатель совета группы АО «Н-Терминал»: «Период пребывания в составе Советского Союза один из тяжелых в истории эстонского народа. С другой стороны, эти пятьдесят лет дали нам ощущение общего прошлого с русским народом.

[1] Диена (Рига). 1997. 30 сент.

Это то ощущение и та связь, которая сегодня у россиян существует только с народами бывшей большой страны. Та связь, которая и в будущем позволит конвертировать эти особые отношения в обороты и доходы на благо двух народов»[1].

Умению работать со своими соотечественниками нужно учиться не только у Китая, где знаменитое экономическое чудо на 90% создано за счет поддержки зарубежной диаспоры и где руководствуются правилом «китаец везде китаец», но и у Германии, умело использующей свои многочисленные общины в Латинской Америке и Южной Африке, и у Венгрии, которая продуктивно использует свои диаспоры в соседних государствах, и у Турции, не говоря уже об Израиле.

Россия же, обладающая самой многочисленной диаспорой в мире, пока совершенно не использует этот ресурс в своих государственных интересах. Непрофессионализмом наших политиков можно объяснить и приобретающее сакральный оттенок стремление «помогать», хотя эта «помощь» в основном только декларируется. Но помогать можно пенсионерам, школам, библиотекам. Основой же диаспоры являются те, кто экономически и социально адаптирован, т. е. средний слой, который здесь далеко не беспомощен.

Поэтому нужна не столько помощь, сколько взаимовыгодное сотрудничество. В бизнесе – это преференции, совместные предприятия, кредиты при ведении экономических дел с Россией, а в культуре, науке и образовании – содействие. Процессы глобализации будут усиливать влияние экономически продвинутых государств и регионов, повышая их привлекательность, что вызовет туда рост миграции. Именно это дало повод некоторым демографам назвать наступивший век «веком диаспор». С таким определением можно спорить или соглашаться, но то, что все большее количество людей будут вынуждены покидать свою историческую родину и что диаспоры будут оказывать возрастающее воздействие на внутри- и межгосударственные отношения, сомнений не вызывает. Согласно данным ООН, за последние 25 лет численность мигрантов в мире увеличилась более чем в два раза и продолжает расти. Сегодня 175 млн человек живут не в тех странах, где родились, а в основном в развитых странах. Около 2,3 млн мигрантов ежегодно перебираются из стран третьего мира в страны Запада, причем только 10% являются политическими беженцами. Свыше 56 млн жителей Европы – мигранты, в основном осевшие в Великобритании, Германии и Франции. В США поживали 35 млн мигрантов. Жизнь в диаспорах становится своеобразной нормой для отдельных групп этносов. Очевидно, это отразится на качественных характеристиках стран-доноров.

[1] Бизнес-среда (Таллин) 2002. 9 янв.

За десять лет дискриминации русских праворадикальные круги Латвии и Эстонии получили для себя все возможные реальные и виртуальные выгоды. Экономические, политические, административные (карьерные) дивиденды из этого положения ими давно извлечены. В странах Балтии русских удалось оттеснить от дележа государственной собственности, но сегодня уже более 80% ее находится в частных руках. Поэтому проблема гражданства здесь не имеет такого острого характера для политической элиты Латвии и Эстонии. В Эстонии к участию в местных выборах с 1998 г. допущены и неграждане. И если сделать последний шаг, дать всем негражданам равные с эстонцами политические права и, следовательно, допустить нынешних неграждан к участию в парламентских выборах, то ничего существенного на эстонской политической сцене не произойдет. Даже мало изменится состав Государственного собрания (парламента) Эстонии. Так, из всех русских, в том числе неграждан, на последних местных выборах 20 октября 2002 г. только 26% проголосовали за русские партии. Остальные 74% отдали свои голоса эстонским партиям, в основном, как и прежде, центристам, проводящим более социально ориентированную внутреннюю политику и более дружественную по отношению к России внешнюю. Точно так же они, по-видимому, проголосуют и на парламентских выборах, потому, что, во-первых, русские партии по целому ряду причин оказались несостоятельными (прежде всего, потому, что их лидеры постоянно враждуют между собой), а, во-вторых, этнические ценности отходят все дальше на второй план, уступая место ценностям материальным, экономическим. «Если бы еще пару лет назад, – комментирует эти новые тенденции эстонская “Postimees”, – какой-нибудь аналитик дерзнул предположить, что правосторонняя коалиция в столице сможет состояться только благодаря голосам русских, то за такое предсказание он получил бы двойку. Сегодня это реальность…»[1].

В то же время та политическая партия, которая выйдет с инициативой предоставления всем нынешним негражданам эстонского гражданства, приобретет немалый политический капитал как внутри страны, ликвидировав основу для сохраняющегося межэтнического напряжения, так и за рубежом. В Европе это вызовет безусловное одобрение и еще большее в России, у которой будут сняты главные претензии к Эстонии. Есть основания полагать, что в скором времени после парламентских выборов в марте 2003 г. с дискриминацией значительной части нашей общины в Эстонии будет покончено. Так, духовный отец и основатель недавно возникшей в Эстонии партии «Res Publica», существенно потеснившей на по-

[1] Postimees (Таллин). 2001. 11 янв.

следних муниципальных выборах правую радикальную партию «Isamaalijt», профессор Рейн Таагепера считает, что всем негражданам, прослушавшим соответствующий курс лекций, необходимо предоставить гражданство без экзаменов по языку и Конституции. При этом он руководствуется гуманными соображениями: эстонцы настолько укрепили свой язык, что уже способны на благотворительный жест. А, главное, по его мнению, была бы ликвидирована ненормальная ситуация с безгражданством 170 тыс. человек. В Латвии политическая ситуация для неграждан значительно менее благоприятна, но и там подобный сценарий является неизбежным.

В этой связи нынешнее российское руководство, конечно же, должен волновать вопрос, когда все русские в Балтии получат титульное гражданство. Апатриды в центре Европы в двадцать первом веке – явление, с которым Россия не должна мириться.

Сегодня все более важными представляются другие вопросы, связанные с их отношением к России. В первую очередь, такой: **а нужна ли им будет их историческая родина?** Этот вопрос напрямую связан с более глубокой проблемой самого существования и национального возрождения Российского государства. Особенно он актуален по отношению к молодым представителям нашей диаспоры, тем самым «еврорусским». По данным как отечественных, так и иностранных исследований известно, что более 70% российских студентов, обучающихся за рубежом, не собираются возвращаться на родину. «Появились свидетельства, – отмечает таллиннский социолог Алексей Семенов, – растущей тенденции к смене русских фамилий на эстонские». Другими словами, насколько дорого нам обойдется то прошедшее после обретения независимости странами Балтии десятилетие, в котором тогдашними руководителями России было допущено так много серьезных ошибок в этом регионе, в том числе и по отношению к собственной диаспоре. За продолжающееся уже более десяти лет экономическое и политическое обособление русской общины в странах Балтии от своей культурной метрополии во многом несет ответственность руководство России. Сначала оно не обеспечило полноценный гражданский статус своим соотечественникам при подписании актов о признании независимости Латвии и Эстонии 24 августа 1992 г., что вызывало естественную их обиду, а в затем фактически приравняло их к иностранцам, если они вдруг оказывались на своей исторической родине. Можно легко предположить, что еще несколько лет отсутствия продуманной последовательной политики по отношению к нашей диаспоре, и Россия потеряет ее.

Нас, жителей России, становится с каждым годом все меньше. Демографические прогнозы предрекают почти 50-процентное сокращение населения страны к середине наступившего века. В какой-то

мере утешением служит то, что российская диаспора за рубежом постоянно увеличивается. Нынешняя (третья) волна эмиграции из России в государства западного сообщества, по различным оценкам, составляет от 8 до 10 млн человек. Только в Германии наших соотечественников около двух миллионов, примерно столько же их в США. Много выходцев из России и в других странах Западной Европы, а также в Канаде, Австралии, ЮАР, Латинской Америке, Израиле. О масштабах миграции из России свидетельствует тот факт, что газеты на русском языке выходят сегодня в 64-х странах. Жизнь в диаспорах становится своеобразной нормой для отдельных групп россиян.

Если проживающие в западном сообществе россияне покидали Россию добровольно, в поисках лучшего места приложения своих сил, то 25 млн оказались эмигрантами не по своей воле, а в результате распада СССР. Таким образом, к началу XXI в., помимо русских в России, существуют русские живущие: а) в странах СНГ; б) на Западе; в) в странах Балтии. Это наводит на размышления об особенностях различных частей нашего народа, их взаимодействии с Россией, о роли России в положении эмигрантов и их значении в судьбе исторической родины.

Что характерно для представителей русской диаспоры в Балтии?

Из трех зарубежных частей они наименьшая – чуть более полутора миллионов человек. Но как социальный феномен – наиболее интересная.

В отличие от эмигрировавших на Запад, здешние русские никуда не уезжали и по-прежнему их дом – это территория постсоветского пространства. Второе отличие – они давно (к началу 60-х гг.) сформировались как устойчивая этническая община, составляющая не доли процента в общей численности населения, как даже весьма многочисленные общины в Германии и США, а весьма существенную его часть. Это дает основания считать эти страны двухобщинными, как и многие подобные, в том числе и в Европе. Наконец, они живут здесь в своей собственной привычной социальной среде, прежде всего, языковой. Рига, Таллин и Вильнюс вполне русскоязычные города.

Еще одно важное отличие российских общины в Балтии – они живут в сопредельных с нами странах. Можно сказать, что россияне в Балтии живут «бок о бок» с Россией. Известно, что после вступления стран Балтии в Европейский союз в них неизбежно произойдет приток монголоидных и негроидных групп, проживающих в Европе. Возвращение русских, украинцев, белорусов и других русскоязычных жителей стран Балтии, покинувших этот регион в начале 90-х гг., позволит снять возможное напряжение в связи с монголоизацией и негроизацией стран Балтии, которые вынуждены будут воспользоваться опытом соседних стран – Швеции и Финляндии – в обеспечении цивилизационного этнокультурного баланса.

Не случайно в последнее время у многих представителей политической элиты этого региона возникают опасения, не повлечет ли за собой вступление в ЕС возможность легально переселиться в другие страны Евросоюза представителей национальных меньшинств. Показательным в этой связи является растущая популярность в Эстонии молодого писателя-публициста Каура Кендера, суть высказываний которого сводится к тому, что и эстонцы, и русские являются родственными этносами, потомками древних угорских племен.

Есть еще одно важное обстоятельство, на которое следует обратить внимание. Благодаря своему пограничному, промежуточному положению между двумя цивилизациями страны Балтии способны аккумулировать разные культуры. В этом смысле их можно условно отнести к регионам, обладающим свойством превращать вторгшихся чужаков в носителей своих региональных ценностей[1]. Но поскольку страны Балтии не обладают масштабом, необходимым для ассимиляции чужаков, то региональные ценности не в состоянии изменить их этническую основу (тем более что историческая родина – огромное соседнее государство), но способны *дополнить ее до уровня, позволяющего считать их субэтнической группой*.

В этой связи показателен ответ на вопрос: насколько русское меньшинство стремится к сохранению своей культуры, в частности, к получению образования на родном языке и его отношение к православию. Различные социологические исследования подтверждают, что у подавляющего большинства русских в странах Балтии существует устойчивая установка на сохранение своей «русскости». Так, исследование 2001 г., проведенное Центром информации по правам человека в Таллине, продемонстрировало, что 77% русских респондентов считали сохранение русского языка и культуры, наряду с гармоничным сосуществованием двух общин, первоочередной задачей диаспоры. В 1999 г. полный переход всего цикла школьного русского обучения на эстонский язык поддержала 1/3 респондентов-неэстонцев, тогда как 2/3 высказывались за сохранение образования только на русском языке или различные двуязычные модели. По данным исследования 1996 г., проведенного эстонскими социологами, важным считали для себя православие 89% опрошенных русских (в секуляризованном обществе это, прежде всего, знаковый атрибут культурной принадлежности, примерно такой же, как и русское имя)[2].

Характерные черты балтийского региона дают российской общине уникальную возможность реализовать новую модель существо-

[1] См.: *Померанц Г.* Выход из транса. М., 1995. С. 216.

[2] См.: *Полещук В.* Русские в Эстонии, их идентичность и этнический конфликт // Новый Таллин. 2003. № 1-2. С. 40.

вания в сложившихся условиях, избегая как ассимиляции, так и параллельного изолированного существования рядом с титульными этносами.

Трудно сказать, какова будет судьба россиян в США, Германии, Англии, Франции, Канаде и других странах. Возможно, через два – три поколения они полностью утратят свою идентичность и ассимилируются, как это произошло с миллионами эмигрантов первой волны, покинувших Советскую Россию. Учитывая исторический опыт миграции первой волны, трудно согласиться со ставшими в последние годы весьма популярными среди зарубежных россиян суждениями о «встречном подводном течении», суть которых вкратце такова.

Противопоставить мощному давлению извне в виде мирного наступления НАТО и ЕС на российские рубежи что-то равноценное в экономическом или политическом отношении России сегодня нечего. Остается относиться к данному факту как к неизбежности – чему-то вроде цунами. Но тот, кто купался в море во время шторма, знает: едва ли не сильнее поверхностной приливной волны действует подводное течение, способное утащить в море не только зазевавшегося пловца, но и многотонные каменные глыбы. Вот таким «встречным подводным течением» может оказаться культурно-языковая экспансия со стороны России. Ее адепты считают не таким уж важным, что НАТО приближается к российским границам. Гораздо важнее, по их мнению, другое: подспудно, без звона литавров или грохота танков, внутрь Европы будет высаживаться «мирный десант» в виде открывающихся новых русских школ, русских культурных центров и других учреждений. Законы европейских стран не только не запрещают, но и всячески поощряют активную культурно-просветительскую работу в общинах, представляющих на их территориях национальные меньшинства. Русская диаспора за рубежом сможет таким образом готовить себе и метрополии кадры, способные решить широкий комплекс задач. В дальнейшем речь может идти о различных практических следствиях этой экспансии, например, о придании русскому языку статуса языка официального делопроизводства в соответствии с конституционными нормами страны проживания.

Разумеется, этот романтический сценарий весьма далек от реальности. Для того чтобы он обрел практические очертания, необходим переезд в западноевропейские страны на постоянное жительство не менее 35 – 40 млн россиян, т. е. четверти нынешнего населения нынешней. Если даже допустить, что такое огромное число наших сограждан в ближайшие годы пожелает переселиться в западноевропейские или центральноевропейские страны, что в принципе не исключено, то вряд ли правительства и население этих стран позволят столь масштабную миграцию.

Перспектива формирования устойчивых общин уехавших из СССР и России в последние 12 – 15 лет в государствах Европы и Америки представляется маловероятной, так как за редким исключением (вроде Брайтон-Бич в Нью-Йорке) россияне в этих странах живут разрозненно, являясь дисперсной этнической группой.

В странах Балтии иная картина: многочисленные русские, составляющие существенную долю в общем балансе населения, оказались здесь не по личной инициативе, а по массовому оргнабору. Они имеют ареалы концентрированного проживания (северо-восток Эстонии, латвийская Латгалия, литовские Клайпеда и Висагинас). Русские составляют значительную часть населения всех крупных городов Балтии.

Не менее существенно различаются русские в Балтии и русские в странах СНГ. В неславянских постсоветских государствах русская диаспора не может считаться достаточно стабильной. Исход русских оттуда не ослабевает, а близость к конфликтным районам повышает потенциальную иммиграцию. Кроме того, следует учитывать и межцивилизационные аспекты. «Ясно, что из Закавказья и Средней Азии большинство остающихся там русских, прежде всего молодых, постепенно уедут, если даже исчезнет этническое противостояние и будут окончательно смягчены требования к знанию национальных языков. Главный фактор вытеснения русских из этих стран – безработица, высокий прирост трудовых ресурсов, острая конкуренция на рынке труда, где местное население, при прочих равных условиях, всегда будут иметь преимущества»[1]. Формирование в среде русского населения этих стран социального слоя, близкого по характеристикам к «еврорусским» Балтии, крайне маловероятно.

В славянских постсоветских республиках русская диаспора и многочисленна и устойчива; здесь доля русских даже возрастает за счет миграции из неславянских республик. Географически Украина и Белоруссия к Западу ближе, но общественный климат в этих странах мало чем отличается от российского. Отличия от русской общины в Балтии заключаются в том, что на Украине, повторяющей за Россией ее алгоритм экономических реформ, нет сегодня необходимых условий для появления новой западной формации собственников. Что касается Белоруссии, то она еще не приступала к созданию открытой рыночной экономики, криминалитета там нет, но, по существу, нет и частной собственности.

И в Российской империи, и затем в Советском Союзе существовало социальное пространство, в рамках которого приоритетом пользова-

[1] Миграция: бедствие или благо? // Материалы «круглого стола» по проблемам вынужденной миграции в России. М., 1998. С. 17.

лись западные ценности, прежде всего, протестантская этика. Исторически сложилось так, что оно ограничивалось именно Прибалтикой, а далее на восток усиливалось господство азиатской традиции отношений власти и собственности, в которой поборы, судебные преследования, конфискации и физическое устранение ожидало даже самого крупного собственника, если он не был тесно связан с властью.

Русские в странах Балтии, в отличие от русских в странах СНГ, по существу, живут в Европе. Оформление членства в ЕС стран Балтии с 2004 г. носит во многом формальный характер. Эти страны не только экономически и политически, но и психологически, прежде всего по уровню гражданского самосознания, уже интегрированы в Европу. В 1940 г., когда Прибалтика была включена в состав СССР, европейское наследие не исчезло бесследно, а сохранилось и, прежде всего, на уровне ментальной традиции.

Представители российской эмиграции третьей волны на рынке труда западных государств имеют характерные для эмигрантов лакуны: сфера материального производства и сервиса для менее востребованных профессий и работа в частных фирмах в качестве высококвалифицированных специалистов по более востребованным профессиям (физики, химики, биологи, математики, программисты и т. д.). По данным Министерства образования, из России выехало 80% всех докторов технических наук; ежегодно около трех тысяч научных работников эмигрирует на Запад. Сегодня доход представителей этой группы наших эмигрантов в США составляет в среднем 50 тыс. долларов в год, что намного больше, чем средний годовой доход семьи коренных американцев, который составляет 35 – 36 тыс. долларов[1]. Вряд ли следует рассчитывать на то, что эти высококвалифицированные специалисты начнут возвращаться в Россию.

Совершенно иное положение в сфере бизнеса. Здесь возможности наших эмигрантов жестко ограничены малыми его формами (мелкооптовая торговля, ресторанный бизнес, сфера бытового обслуживания и т. п.). Это неудивительно, ибо они приехали в страны с давно сложившейся структурой экономики, традиционной элитой, жесткими корпоративными связями в рамках промышленно-финансовых групп, надежным и эффективным правовым механизмом. Поэтому наши соотечественники, рассчитывающие там на выходящую за пределы малого бизнеса предпринимательскую деятельность, быстро разочаровываются. Не имея шансов пробиться, часть из них оседает в теневой сфере экономики.

Если наши соотечественники в ведущих государствах Запада не имеют серьезного бизнеса (их туда просто не пускают), то в респуб-

[1] См.: Новое время. 2003. № 46. С. 32.

ликах Балтии положение совершенно иное. В отличие от старых «капиталистических» стран либеральный рынок государств Балтии начал складываться только в конце 80-х – начале 90-х гг. **при самом активном участии русского населения**. Причем в процессе перехода от социалистической плановой экономики к либеральной рыночной наши соотечественники в целом преуспели ничуть не меньше, а во многих направлениях значительно больше, чем представители титульных народов этих стран. Позиции нашей диаспоры укрепляются в связи с выходом на общественно-экономическую арену стран Балтии молодого поколения, тех самых еврорусских, образующих новый русский субэтнос. Его появление на современной социально-экономической сцене этого важного для России региона заставляет нас внимательнее приглядываться к нашей диаспоре в странах Балтии.

Таким образом, российская община в странах Балтии, по сравнению с другими нашими общинами, как в старом, так и в новом зарубежье, обладает целым рядом преимуществ, которые необходимо не только изучать, но и эффективно использовать в национальных интересах России. Но для этого необходима политическая воля.

В этой связи можно предположить, что в нашей стране созревает общественно актуальная проблема – место и роль нового субэтноса как важнейшего потенциального участника возрождения России, а его лучших представителей как своеобразных новых варягов. Складывающаяся социально-этическая ситуация показывает, что самой России не справиться с тем валом проблем, которые она создала для себя за три четверти века тоталитарного режима, а еще больше за минувшее десятилетие. И дело не столько в традициях и менталитете населения, сколько в тех кардинальных пороках реформ, когда в процессе трансформации были в значительной степени ликвидированы институты государственного патернализма, но не были созданы условия для самореализации трудоспособного населения. Вместо государственного регулирования экономики Россия получила произвол чиновников государственных органов, использующих высокие должности в корыстных интересах. Поэтому политическая система в России снизу не складывается, огромное большинство населения в политическую жизнь не втягивается. Формирование гражданского общества, как и среднего класса, откладывается.

Сформировавшаяся в России за последние десять лет деловая культура очень существенно, если не принципиально, отличается от деловой культуры Запада, считает Н.Косолапов. «Отсюда ясно, что расчеты на «перерастание» со временем криминального бизнеса в цивилизованный, по меньшей мере, наивны. Любая культура (а значит, и культура того симбиоза российских чиновников, силовиков, криминала и деловых людей, который мы ныне наблюдаем), по

определению, способна самовоспроизводиться и защищаться от угроз, идущих извне ее. Логично предположить, что трансформация подобной «деловой культуры» в нечто более напоминающее западную может занять целую эпоху, если только такая трансформация вообще возможна и будет происходить»[1]. Переиначив классический вопрос русской интеллигенции, проблема в настоящий момент **не столько в том, что делать, сколько в том, кому делать**. Все маломальски значимые акторы российской социально-экономической жизни настолько погружены в густую атмосферу бесчисленных компромиссов с совестью и законом, что ждать от них решительных и последовательных шагов к цивилизованной экономической системе не приходится. Нынешние и подрастающие кадры менеджеров государственного масштаба способны только воспроизводить существующий организованный хаос, они заражены всеми неизлечимыми нравственными и социальными болезнями современного российского общества. К этому следует добавить еще одно важное обстоятельство. «Молодые люди, начавшие самостоятельно зарабатывать, очень остро переживают униженное состояние, в котором оказалась наша страна, – считает Алексей Арбатов, – и в плане материального благополучия, и в плане того, как с нею считаются за рубежом. В качестве ответной реакции возникает: ладно, нас не любят, но пусть хотя бы боятся. Молодой российский бизнес является носителем в высшей степени националистических настроений. Диапазон этих настроений у нас широк: от государственничества до прямого расизма и ксенофобии. При этом никого всерьез не наказывают даже за фашистские выходки»[2]. Поэтому часто высказываемые надежды на молодое поколение россиян представляются все-таки достаточно наивными. Скорее, необходимые для возрождения России кадры придется искать на стороне.

Страны Балтии, где успехи в становлении либеральной рыночной экономики создали необходимые предпосылки для формирования гражданского общества и появления нового среднего социального класса, уже сегодня обладают тем нужным для России кадровым потенциалом, который она может эффективно использовать для будущей интеграции в объединенную Европу, предварительно наведя у себя порядок. Поэтому, если для этого России вновь потребуются «варяги», то они здесь, рядом – наши молодые соотечественники в странах Балтии.

---

[1] *Косолапов Н.* Итоги десятилетия российских реформ // Pro et Contra. 2002. № 7. С. 149.

[2] Независимая газета. 2001. 28 июня.